
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р.Г. АПРЕСЯН. *Этика: учебник*. М.: КНОРУС, 2017. 356 с.

Рецензируемая книга Р.Г. Апресяна утверждена как учебник по этике для студентов-гуманитариев. В ней дано содержательное изложение дисциплины в органичном единении философской, нормативной и прикладной этики. Автор опирается на свой значительный опыт преподавания этики в высшей школе и, следуя явственной педагогической методике, излагает содержание предмета строгим и выразительным языком, системно, целостно, а подчас даже лапидарно. обстоятельно очерчены генеалогия морали, история и классика этики, ее основные проблемы и концептуально-методологические подходы, представлены и осмыслены все важнейшие категории и термины этики. Поучительна и аргументация автора: она весома, корректна, свободна от категоричности, доказательна и потому убедительна.

Книга вполне отвечает требованиям добротного современного учебника. Но по глубине теоретического и методологического насыщения, привлечению и критичному осмыслению многих авторитетных отечественных и зарубежных изданий по этике, а также по ряду авторских находок и решений книга достойна пристального внимания и со стороны преподавателей и исследователей этики.

Содержание книги структурировано детально. Вслед за обстоятельным *Введением*, оно разделено на шесть тематических разделов: *Предмет этики*; *Генеалогия морали*; *Сущность морали*; *Справедливость и милосердие*; *Личность и мораль*; *Общество и мораль*. Соответственно внутреннему строению науки о морали и замыслу автора, тематические разделы книги подразделены на главы (таковых насчитывается двадцать одна). Каждая из них для самостоятельных студенческих занятий оснащена внятно очерченными контрольными вопросами и заданиями. Главы учебника, связанные с теми или иными конкретными проблемами и категориями предмета, в свою очередь, скрупулезно подразделены на 78 (!) параграфов. Текст книги завершают краткие словари имен и терминов, а также очень краткий библиографический список.

Содержанию учебника свойственен стиль уважительного отношения к личности и убеждениям студентов. Автор чужд морализации и той, не редкой в учебных изданиях по этике, поверхностной иллюстративности, которая лишь затемняет и огрубляет понимание этой, на наш взгляд, самой деликатной сферы гуманитарного

знания. Без тени навязчивости, тактично и веско Р.Г. Апресян тонизирует интерес студентов к этике и побуждает их к освоению ценностей и норм морали. «Изучение этики, — констатирует он, — настраивает на моральный образ мысли, способствует упорядочению и кристаллизации морального мышления, выработке соответствующих навыков» (с.12).

Стимулированию интереса к этике способствует применяемый в книге метод двухуровневой подачи материала. На первом уровне как минимум необходимых знаний о предмете представлено тематическое содержание глав и параграфов книги. Второй уровень изложения расширяет этот минимум и, в роли факультатива для студентов, содержит краткие экскурсы в историю этической мысли и в теоретические дискуссии. Здесь также введены и некоторые любопытные материалы из прикладной этики и смежных гуманитарных дисциплин.

Плодотворному погружению в проблемы этики способствует и удачно введенный в учебник «явный или же подразумеваемый полемический контекст». С этой креативной находкой в мысленный диалог с автором включается мысленный же, но пытливый оппонент. В их виртуальной полемике расширяется охват смысловых полей, осуществляется более продуктивное проникновение в заповедные глубины нравственного сознания и в сокровенную детерминацию поведения. Креативная находка втягивает в продуктивный диалог и самих читателей книги. Такая находка способна обогатить арсенал конструктивных подходов и при осмыслении особенно сложных нравственно-психологических ситуаций.

Впрочем, учебник Р.Г. Апресяна содержит обширный и значительный ряд иных, нами здесь не затронутых интересных педагогических находок и новаций. По этой причине учебник нуждается в дополнительном и более глубоком анализе со стороны коллег автора по высшей школе. Мы же констатируем, что книга, педагогично модифицированная в формат учебника, в то же время отвечает основным требованиям *научной монографии по этике*. Правда, сам автор большого числа публикаций в научной периодике, в энциклопедических, справочных и учебных изданиях, почему-то замыслил подвести итоги своим многолетним исследованиям в педагогическом формате учебника. На наш взгляд, этот формат не вполне соответствует замыслу

Р.Г. Апресяна: не столько концентрируя, сколько фрагментируя итоги его исследований, учебник тем самым как бы затрудняет оценку реального вклада Р.Г. Апресяна в науку о морали.

Как отмечено в книге, представлен всесторонний, то есть поистине монографический охват предмета этики. Свойства монографии книге тоже придают: ее основательная философская оснащенность; строгий, действительно современный научный аппарат; оригинальное и глубинное проникновение в наиболее сложные этические проблемы; обширный тезаурус (включающий более чем 60 терминов, подвергнутых лингвистическому анализу). Эти свойства выводят данный текст за ограниченные пределы учебно-образовательных стандартов. Впрочем, за эти пределы текст выводит и сам Р.Г. Апресян, настоятельно призывая читателей к полемике с самим автором и к критике текста (несколько подразделов книги так и именуются «Критическое обсуждение»).

Книга насыщена обстоятельными экскурсами в проблематику, историю и классику философии морали и солидными теоретико-методологическими построениями. В них сосредоточены многие новационные подходы и те решения по ряду вопросов этики, которые, по словам автора, *«еще не получили в современной русскоязычной литературе достаточного, а то и вообще какого-либо освещения»* (с.2).

Обратимся к анализу научно-содержательных построений книги. В одной короткой рецензии, конечно, невозможен их полный анализ. Обратимся к рассмотрению ряда представленных здесь новых подходов к осмыслению актуального комплекса социально-этических проблем, связанных с парадоксальным подъемом сакральности в нашем светском государстве.

Четверть века минуло с того времени, когда религия, остервенело гонимая в советском обществе, вырвалась из культурного гетто, а воинствующий атеизм стыдливо сошел с публичных подмостков. И в обществе, долго полагавшем себя «свободным от религии», осуществился небывалый взлет религиозности. Сегодня около 80% нашего населения считают себя верующими и ошибочно отождествляют религию с моралью как таковой.

Правда, четвертая часть верующих так и не может определить свою конфессию, а действительно воцерковленных россиян в составе религиозных общин пока совсем немного. Но в массовом сознании явственно крепнет уважительное отношение и нарастает живой интерес к религии. Очевидно повышенное внимание к вопросам религии и со стороны студентов. Их, по нашим наблюдениям, весьма интересуют вопросы, связанные с этим парадоксальным подъемом сакральности. В особенности же, их волнуют

возникшие социально-нравственные проблемы, обусловленные стремительным выходом религии в будничную повседневность и в высокие сферы нашего общественно-политического бытия, а также в систему образования и в иные заповедные стремнины российской культуры. Пылливых студентов, в частности, интересует духовный потенциал религиозной морали.

Р.Г. Апресян полагает, что термин «религиозная мораль как таковая – это абстракция. Те, кто настаивает на религиозности морали вообще, на самом деле имеют в виду моральные учения и программы, существующие в контексте определенных конфессий» (с. 80). Согласимся с этим суждением и тоже полагаем, что термин во многом архаичен и уже не работает для современных, корректных научно-этических изысканий. Но все же примем во внимание, что всем без исключения конфессиональным вариациям морали присуще их взаимно связывающее сакральное тяготение и что чрезвычайно близки их мистические смысложизненные построения. Будем иметь в виду, что и в будничном общении термин «религиозная мораль» все же прижился прочно: различия, свойственные морали разных исповеданий, обыденное сознание почти не улавливает. Что важнее, в противовес богословию обыденное сознание, как правило, не настаивает на тезисе о *«религиозности самой морали»*. Термин «религиозная мораль», ставший абстракцией в научном поиске, удачно работает и в культурно-просветительной деятельности, где знание отличий в конфессиональных понятиях и установках тоже менее актуально, нежели реально необходимое обыденному сознанию понимание различий между наукой и религией.

Впрочем, термин «светская мораль», как и термин «светская этика», нам представляются не менее абстрактными, нежели «религиозная мораль». Обе эти атрибуции привносят в мораль и в науку о морали нежелательную идеологизацию. Разделим верное соображение Р.Г. Апресяна: «Содержание морали не исчерпывается идеологией и не сводится к классовым интересам. В ней есть как преходящее, относительно содержание, так и постоянное, универсальное» (с.69).

Обратимся к другой, не менее важной констатации Р.Г. Апресяна: «Не все принимают во внимание то, что нормативное содержание разделяемой ими морали унаследовано преимущественно из конфессионально укорененных моральных систем, что фундаментальные моральные принципы первоначально получают санкцию в рамках религиозного сознания, благодаря религиозным институтам, что мораль исторически развивалась не просто рядом или параллельно с религией, но и опосредованно к ней» (с. 85). Действительно, и в наше время в светском менталитете миллионов россиян не вполне одолена инерция

воинствующего атеизма, и у них почти не артикулированы позитивные компоненты морали, исторически сложившиеся в религиях.

В эволюции культуры религия не только восприняла ряд общечеловеческих моральных ценностей. Она наделила их сакральным ореолом, по-своему охраняла, возвышала и проповедовала их. Более того, некоторые исповедания заметно пополнили состав моральных ценностей. Так, в лоне религии рождены такие, например, важные нравственные понятия и практики, как «исповедь» и «покаяние». Так называемые «религии Книги» (к ним, помимо себя, ислам относит иудаизм и христианство) пробуждали и стимулировали становление в житейской практике своих приверженцев наиважнейшие в морали ценности милосердия. «Милосердная любовь, - замечает Р.Г. Апресян, - не укладывается в рамки обычного порядка человеческих отношений. Здесь необходимы принципиальные основания. Эти основания укоренены в высшем, в идеале, который в религиозной этике воплощается в образе Бога» (с.204).

Каждое вероисповедание, как известно, ревностно настаивает на том, что его догмы и моральные установки являются единственно истинными. Это обстоятельство в какой-то мере объясняет негативное отношение вероисповеданий к формируемым в современной морали нормам толерантности. «Именно толерантность в религиозных вопросах, - укоряет Р.Г. Апресян, - отвечает учению Евангелия, а также очевидным требованиям разума» (с. 296). Но сегодня, к глубокому сожалению светских россиян, со стороны православной церкви и иных конфессий наблюдаются поистине интолерантные и особенно категоричные притязания на *монополию в толковании морали и духовности*. Эти тенденции представлены не только в миссионерстве и проповедничестве, они находят опротивительную поддержку и в каналах массовой информации. Ныне, как никогда ранее, ведущие религии страны занялись солидно оснащенной *просветительской деятельностью*. Миссионерская направленность этой деятельности становится все более явственной. Правда, религии неизменно поддерживают многие общечеловеческие ценности морали. Традиционные в российской культуре конфессии не порывают также с поддержкой патриотических традиций. Однако признаем, что с подъемом религиозности в обществе отсутствует столь же очевидный подъем нравственности. «Увы, - констатирует Р.Г. Апресян, - и исторический, и každодневный житейский опыт свидетельствует о том, что религиозность, включая свои глубокие формы, не гарантирует от корысти, несправедливости и даже преступления, вплоть до убийства (крестовые походы, инквизиция, джихад). Причины этого могут быть разными, в частности небрежение земными обязанностями» (с.86).

Автору книги присуще критичное и в то же время тактичное отношение к теологии (богословию). Так, особенно корректно в диалоге с богословами реализуется свойственный книге полемический подход, явно побуждение к терпеливому собеседованию.

Подвергая критике пристрастную и безапелляционную богословскую парадигму морали, Р.Г. Апресян обосновывает реальную объективность и весомость именно светского видения противоречивых моральных сущностей. Он раскрывает психолого-педагогический механизм освоения ценностей и норм морали. «Важно, - констатирует он, - не упустить основное предназначение морали - удерживать людей от раздора, не допускать противостояния, склонять к примиренности, способствовать сотрудничеству, взаимопомощи, в конечном счете дружелюбности и активной заботе друг о друге» (с. 8).

Однако нам становится все более явственным стремление сакральных институций навязать богословскую парадигму и государственной системе образования. Быть может, это не плохо для многих тысяч приходских школ. Но неприемлема *экспансия религии в светскую школу*, которая ориентирована на обучение и воспитание гражданской и толерантной личности, усваивающей научную картину мира, понимающей действительную роль религии в истории и культуре.

Р.Г. Апресян обоснованно критикует одну из лукавых тактик религиозной экспансии: «В современных российских школах преподавание предмета “Основы религиозных культур и светской этики”, разделенного на модули, среди которых четыре из шести представляют отдельные конфессии - буддизм, ислам, иудаизм и христианство, как будто бы демократически предлагает выбор предпочитаемого модуля (по какой-то конфессии или этике, или религиозным культурам вообще), в действительности привносит идею разделенности людей по важнейшему духовному признаку, в то время как школа, будучи одним из наиболее влиятельных институтов социализации подрастающего поколения, призвана формировать психологические, интеллектуальные, коммуникативно- и социально-практические навыки жизни в поликонфессиональном обществе» (с. 82).

Добавим, что сакральная экспансия особенно бесцеремонно подрывает основы крайне необходимого, но лишь только формирующегося в духовном климате постсоветского общества «мировоззренческого паритета». Она чрезвычайно затрудняет подрастающему поколению освоение научной картины мира и неизбежно привносит в светскую школу противостояния, будируя исторически сложившиеся в культуре конфликты между наукой и религией. Экспансия порождает нарастающие мировоззренческие столкновения и между

родителями школьников. Общественность чрезвычайно встревожена назойливыми и изощренными притязаниями клерикалов, сегодня стремящихся навязать «Закон Божий» даже в детские сады и на весь одиннадцатилетний период обучения в государственной школе. Трудно объяснить молчаливую поддержку сакральной экспансии со стороны действующего в светском государстве органов.

Учебник-монография Р.Г. Апресяна не содержит традиционного авторского заключения. Свою краткую рецензию мы заключим убеждением в том, что этическая мысль пополнена действительно значимой научной монографией.

И.И. ЕВЛАМПИЕВ. **Русская философия в европейском контексте**. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 468 с.

Вышла новая книга известного историка русской философии, Игоря Ивановича Евлампиева. Исследователи русской философии хорошо знают его двухтомный фундаментальный труд «История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта» (СПб., 2000), дважды издававшийся учебник по истории русской философии, а также монографии о Ф.М. Достоевском, А.А. Тарковском, Б.Н. Чичерине и И.А. Ильине. Само название новой книги указывает на сравнительный метод, позволяющий полнее раскрыть своеобразие русской философии, а также показать единство философских поисков русских и европейских мыслителей. Многие разделы книги ранее публиковались в философской периодике и, вероятно, известны читателям. Однако собранные вместе они лучше демонстрируют авторскую позицию, понимание русской философии и ее включенность в общеевропейский интеллектуальный и культурный контекст.

В основе интерпретации русской культуры и философии, предлагаемой И.И. Евлампиевым, лежит различие «гармоничных» и «диссонансных» культур, предложенное автором еще в 1993 г. (см.: *Евлампиев И.И. На грани вечности. Метафизические основания культуры и ее судьба // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры*. Вып. 1. СПб., 1993. С. 7–24). По признаку отношения человека к Абсолюту автор выделяет культуры типа «вечности» и типа «времени»; в первом случае культура растворяется в Абсолюте, в его бесконечной вневременности, во втором же — «опускается», полностью ограничивается эмпирическим бытием, протекающим во времени, т. е. «целиком укоренена в своем историческом времени, очарована сиюминутным,

М.Г. Писманик (Пермь)

Писманик Матвей Григорьевич — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.
rectorat@psiac.ru

Piasmanik Matvey G. — DSc in Philosophy, Professor of the Department of cultorology and philosophy, Perm State Institute of Culture.

DOI: 10.31857/S004287440001162-3

гибнущим, полна чувственной конкретности, прихотливой грации, жизненного становления, но лишена той глубинной силы, которая больше всего потрясает в культуре, — силы открывшейся бездны, открывшейся вечности» (с. 447). По мнению автора, каждый из этих типов является ограниченным и неполным, в силу чего необходимым оказывается баланс между двумя составляющими — временем и вечностью. Этот тип культуры И.И. Евлампиев называет «гармоничным»; в этом случае наблюдается синтез времени и вечности. Примером такого рода культуры он считает культуру Древней Греции, в которой «находится подлинный исток, подлинное начало всей европейской культуры» (с. 448). Противоположностью гармоничного типа культуры оказывается тип *диссонансный*, в котором погружение в вечность Абсолюта происходит при сохранении проникновенного отношения к противоположному полюсу — к времени; культура в этом случае оказывается как бы на грани между временем и вечностью. Русская культура и философия как ее самосознание понимаются Евлампиевым в качестве *диссонансных*.

Диссонансная культура предполагает постоянное восприятие иных культур и построение на этой основе сложных синкретичных культурных целостностей. В этом отношении диссонансные культуры оказываются открытыми к творческой и оригинальной переработке иных интеллектуальных традиций и парадигм, что составляет основу их бытия.

В тесной связи с диссонансным характером русской культуры находится ее *религиозность*. Евлампиев предлагает своеобразное истолкование религиозности русской философии, которую он связывает с традицией *мистического пантеизма*. Такого рода философия «сохраняла в чистоте